

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ В ДУХОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В. В. Броницкая, кандидат экономических наук;

А. Н. Броницкий, кандидат экономических наук

Экономика знаний как новое качество экономики и возможное будущее человечества обсуждается представителями социологии, культурологии, философии, экономической теории, других научных и метанаучных направлений достаточно давно. Вместе с тем ни единого определения экономики знаний, ни единого вывода о сформированности основ экономики знаний, даже в наиболее развитых государствах пока не существует. Единственное, что можно сказать, это то, что после начала глобального финансового, по многим показателям системного кризиса, количество оптимистичных представлений о наполненности современного геополитического пространства экономикой знаний существенно сократилось. Причиной тому является большое число противоречий и деструктивных тенденций, обнаруженных или возникших во время кризиса, во многом замаскированных до этого, по крайней мере в наиболее развитых странах. Для того чтобы детально и основательно разобраться с вопросами, напрямую касающимися будущего человечества, необходимо понять, что есть экономика знаний, насколько она реальна как целостная социально-экономическая система, и насколько она уготована всему человечеству, а не только избранному «золотому миллиарду». В свою очередь, если экономика знаний берется в своем комплексном, антропологическом определении, важно обозначить возможности формирования и сохранения целостной мотивации ее потенциальных и ее актуальных субъектов. Этому и посвящена данная статья. Начнем с того, что экономика знаний, по сути, соответствует марксистскому тезису о превращении науки в непосредственную производительную силу, однако, поскольку произведенные зна-

ния относятся не только к научной сфере, а, например, к области искусства, социального творчества, метанаучного и так далее, возможно, необходимо говорить о превращении знаний вообще в непосредственную производительную силу. При этом «производительную» силу следует трактовать не только как такую, которая определяет, где производятся материальные блага и осуществляется хоть и опосредованно воспроизводство человека, но как сферу непосредственного расширенного воспроизводства целостного человека.

Одной из отличительных черт культуры, духовного производства как основных сфер экономики знаний является их самоценность. Как самоценен и человек, преимущественно выступающий в современных условиях в качестве хотя и более значимого, но фактора производства. Очевидной же является картина, когда наука и культура, а чаще их превращенные формы обслуживают материальное производство или превращенные же формы идеального производства (деривативы, например). В любом случае, современное творчество в значительной степени представлено своими суррогатами, поскольку не направленно на воспроизводство целостной человеческой личности ни субъектов-творцов, ни объектов-потребителей. Собственно отношение к науке как к утилитарной сфере хорошо проиллюстрировано А. Панариным. Такое знание озабочено не субстанциями, а акциденциями – затребованными нашим утилитарным сознанием свойствами вещей. Современный глобальный экологический кризис требует кардинального методологического переворота: знание об общем (общих основаниях бытия тех или иных объектов) должно предшествовать процедурам использования тех или иных вещей. Иными

словами, для того, чтобы сохранить уникальные свойства биоценозы, надо несравненно больше знать о мире, нежели это требуется для того, чтобы поставить на службу нам отдельные полезные – в краткосрочной перспективе – свойства вещей. Сберегающее знание, которое предстоит ускоренно нарабатывать человечеству, требует несравненно большей фундаментальной глубины, чем прежнее преобразующее, проектное знание» [3, с. 48–49]. Отношение к человеку в системе превращенных форм культуры и духовного производства исследуют кроме выше названного автора, А. Бузгалин, Г. Задорожный, А. Колганов, Л. Булавка, С. Кара-Мурза, В. Тарасевич и др. Исследуя совокупность работ по тенденциям развития человека и человечества, мы пришли к определенным выводам о должном и реальном. Должным, на наш взгляд, является духовность, как цель и мотивация целостного развития человека. Реальным же процессом является, помимо должного, более мощная тенденция исключения духовности вообще или замена ее превращенными формами. Для определения духовности используются как позитивистские, так и нормативные подходы, и потому приходится выбирать те дефиниции, которые позволили бы структурировать исследование и «отделить зерна от плевел».

Среди тех подходов, которые бы акцентировали внимание именно на целостной природе человека, можно выделить следующие: Л. Бужева определяла духовность как проблему обретения смысла [2, с. 179]; М. Желтов как процесс обретения смысла по мере движения к высшим ценностям [2, с. 179]; Р. Михайлов отмечает, что восхождение к духовности возможно лишь в творческой деятельности субъекта, до нее и вне ее формирование духовности невозможно [2, с. 179]. А. Тонконогов определяет духовность как особую субстанцию человеческого бытия, которая представляет собой естественное соединение интеллектуального (смыслополагающего, пытающегося проникнуть в суть всех вещей и в существующей познавательной системе определить, что можно считать истиной, а что ложью), этического (нравственного, стоящего выше телесного и прагматичного, определяющего в существующей

системе идеалов и ценностей, что можно считать добром, а что – злом) и эстетического (миросозерцательного, устанавливающего эталоны красоты) [4, с. 167]. Таким образом, нам предстоит проанализировать те социально-экономические аспекты, которые влияют на целостный характер духовной мотивации, а также те, которые создают препятствия формирования таковой или же приводят к превращенным формам духовности и духовной мотивации.

Исследование формирования, развития и сохранения мотивации субъекта экономики знаний удобно проводить, на наш взгляд, через временной диапазон, на уровне отдельной личности, хотя сами факторы влияния чаще воздействуют на значительное количество людей одновременно. Прежде всего, необходимо отметить, что среда формирования творческих субъектов на всех жизненных этапах должна отвечать требованию духовной безопасности. Можно говорить и об информационной безопасности, поскольку, если исходить из представлений об информации целого ряда современных ученых различных направлений, например, С. Демидова, Л. Лескова, М. Чикалина, Ю. Югая и другие, то можно сделать вывод о тождественности духа и информации, следовательно о значительном совпадении категорий «духовная» и «информационная безопасность». Формирование мотивационной сферы личности происходит во многих и под влияниями многих институтов, но определяющими из них является семья на предобразовательной стадии, образовательные учреждения – на образовательной стадии, трудовая деятельность на постобразовательной. Психологией предоставлено достаточно доказательств зависимости силы влияния эмоциональных воздействий от возраста того, на кого это воздействие оказывается, и чем меньше возраст, тем сильнее определяет позитивное или негативное воздействие будущее личности (в том числе и его мотивацию). Основы постматериалистической мотивации в первую очередь закладываются в детстве и зависят от материальных и нематериальных факторов, при этом значительная часть материальных факторов все же воздействует опосредованно, через

психологическое восприятие. Материальные факторы прямого воздействия – это питание, поскольку от него зависит физиология мозга, нормальная жилищная площадь, от чего может зависеть психическое здоровье и общее состояние здоровья и другое. Но все же достаточно трудно определить, где абсолютная грань между факторами прямого и опосредованного материального воздействия, поскольку у человека могут развиваться и физиологические, и психологические адаптационные механизмы, с одной стороны, а с другой – уровень необходимого комфорта может вменяться, потребительская психология насаждаться, может быть различная социально-экономическая база для сравнения и т. д. Словом, граница между прямым и непрямым воздействием материальных факторов достаточно подвижна и зависит от взаимодействия с различными по природе информационными факторами. Физическое состояние здоровья и даже жизнь зависят от наличия помимо физических факторов духовных, которые на предобразовательной стадии реализуются через личные близкие (семейные) отношения, подтверждение чему можно найти, например, в работах И. Бауэра [1]. Большая часть совокупности различных информационных, социальных, телекоммуникационных, психологических воздействий и так далее, помимо прямого воздействия, преломляются определенным образом и реализуются в семейных отношениях, которые и определяют в значительной степени возможность формирования постматериалистической мотивации. Инглегарт, например, считает, что постматериалистами чаще становятся те, кто с детства имел достаточную возможность пользоваться материальными благами, чем, по его мнению, и объясняется в значительной степени их приход к постматериализму. А. Маслоу считает, что в иерархии потребностей самоактуализация – наивысшая, достичь которую способны не более одного процента, после насыщения всех предыдущих, включая материальную. Но со всей очевидностью, по нашему мнению, можно утверждать, что прямой непосредственной зависимости между уровнем материального благосостояния и постматериалистической мотивацией нет. В

противном случае, Америка могла бы полностью обеспечить себя своими, созданными в американской социально-экономической системе интеллектуальными кадрами, а не привлекать специалистов из других, зачастую бедных стран. Кроме этого, возникают определенные сомнения в диагностике постматериалистов, ведь подлинный постматериалист определяется не только в желании творить за большие деньги, объясняя, что деньги значения не имеют, а в желании и потребности заниматься творчеством, не только научным, а и духовным, социальным и так далее в условиях материальных ограничений. В таком случае наиболее бесспорными постматериалистами будут, например монахи-отшельники, а не рекламщики, политтехнологи и прочие «успешные творцы». Подразумеваемая последних, А. Панарин писал: «Во-первых, не удалось вытеснить экономическую мотивацию, ориентированную на голый практический результат, результатом самовознаграждаемого творческого духа, азартно погруженного в захватывающий процесс выпытывания тайн природы. На поверку «творцы» оказались дюжиной буржуазными людьми, разделяющими общую «мораль успеха» с ее утилитарными приоритетами. Во-вторых, не удалось переориентировать элиту постиндустриального общества с ценностей «цивилизации досуга», взыскующей всего легкого и необязательного, на ценности предельно напряженного творческого труда (творческий труд, – говорит Маркс, – никогда не превратится в игру, он представляет «дьявольски серьезное напряжение»)» [3, с. 95].

Интересно, какое соотношение будет между постиндустриально, постматериалистически ориентированными субъектами в наиболее развитых и далеких от экономической успешности странах, если более основательно подойти к критериям творческой мотивации. Собственно говоря, ведь и критерии принадлежности к духовному производству, и научности, в частности, преобладают англосаксонские. Многие незапатентованные достижения науки, многие разработки, подготовившие почву для многих конкретных изобретений, не являются продуктами европейской науки,

и просто не учитываются, не говоря о том, что значительная часть создаваемой альтернативной наукой знаний игнорируются в силу их удаленности от практических результатов. М. Вебер, возможно, как раз не учитывал эти аспекты утверждая, что протестантизм явился наиболее благоприятной средой для развития науки. «Православное пренебрежение к практицизму проявилось не только в когнитивных особенностях российской науки – свойственных ей методах познания и стиле мышления, но и в ее социальных характеристиках. Она всегда ставила перед собой просветительские, мировоззренческие, познавательные, но не коммерческие цели, что нашло выражение и в ее общих ориентирах, и нормативных способах поведения ученых» [5, с. 183].

Далее, автор отмечает, и с этим нельзя не согласиться, что такая наука более вписывается в методологию «постнеклассической», для которой характерны легализация интуиции, ценностной нагруженности знания, такие установки, как холизм, энвайронментализм и другое, конвергенция западного и восточного знания, которая происходит в современности предполагает и иную мотивацию субъектов постнеклассического духовного производства [5, с. 189–190]. Кроме исследования этапов формирования, сохранения и развития мотивации потенциальных субъектов духовного производства, непосредственно, необходимо рассмотреть категорию творчества и его превращенных форм, поскольку исследование процессов, связанных с изменениями в мотивационной сфере, должны происходить в увязке с исследованием деятельности. Поскольку творчество – это внутримотивированная деятельность, результатом которой является качественно новый продукт, то творчеству традиционно противопоставляют репродуктивную трудовую деятельность по разности продуктов и присущей этой деятельности внешней мотивации. Однако, если репродуктивный труд в силу своей алгоритмичности и отличается от творчества как другого вида труда, между собой их роднит целесообразность и напряжение, которое в любом случае неизбежно. Что касается спонтанной деятельности, очень часто выдаваемой в существующей форме

глобализма за творчество, то в ней напряжение минимизированно, а целеполагание чаще возникает на стадии продвижения продукта, нежели на этапе его создания. Естественно, что говоря о качественно новом продукте – продукте творчества – речь можно вести и о воспроизведенном в творческом процессе человеке в его новом качестве. В этом смысле творчеством все же можно считать не только деятельность, результатом которой является качественно новый продукт в абсолютном измерении (впервые открытый закон физики, например), но и деятельность, результатом которой является новый продукт по отношению к конкретному человеку (например, познание ранее открытого закона). И хотя экономику как сферу хозяйствования, и научную экономическую сферу интересует прежде всего первый вид творчества, как дальнейший ресурс развития, творчество в широком смысле, является не менее важным моментом, поскольку, прежде чем создавать абсолютно качественно новый продукт, необходимо научиться создавать новый продукт. Возможность же экспансии превращенной, по сути, самоотрицающей формы творчества, как спонтанная деятельность, связанная с затушевыванием сущности, манипуляцией критериями качественно нового. Для более четкого определения критериев новизны различных продуктов всех сфер духовного производства предлагаем использовать уровни содержащейся в этих продуктах информации – единичный, особенный, всеобщий. Качественно новый уровень – уровень как минимум особенного или же всеобщего, даже если продукт имеет форму материального воплощения на уровне единичного (картина, например). Если в искусстве форма неотделима от содержания и выступает его – содержания – органичной частью, критерий информационного всеобщего или особенного уровня все равно имеет место и проявляется через объективное эстетическое, эмоциональное, психологическое и даже физиологическое воздействие (воздействие классической музыки на рост растений, количество надоев, применение утилитарных свойств музыки в медицине и так далее, при том что эстетическое и общее духовное воздействие – определяю-

щее), а также, например, через средства передачи, впервые используемые авторами продукта искусства (корневая рифма В. Маяковского, диссонансные аккорды Л. Бетховена, передача воздуха импрессионистами и так далее). Часто для реальной оценки произведения искусства необходимо время, многие критерии устанавливаются тяжело и сложно, более того, в отличие от науки, они не могут абсолютно четко формулироваться и применяться (сложно себе представить базовый тестовый экзамен в театральном ВУЗ), но это не говорит об абсолютной лишенности искусства объективных характеристик. Постмодернистское искусство же, «творимое» спонтанной деятельностью не имеет целью создание информации на уровне особенного или всеобщего, скорее вменение обществу представления об единичной информации как о всеобщей, или же абсолютное непризнание объективных критериев вообще. Что касается целесообразности творчества и спонтанной деятельности, в первом случае деятельность совершается с целью, даже если продукт творчества получился отличным от задуманного (как незапланированным было открытие пенициллина), спонтанная же деятельность не особо озабочена целью в процессе создания продукта, скорее, цель возникает в процессе его продвижения. Более того, спонтанная деятельность и продвижение и представление ее продуктов могут быть разведены по разным субъектам. Единственно, что роднит творчество и спонтанную деятельность – это неалгоритмичность, невоспроизводимость. Однако, высыпанное содержимое мусорного ведра, названное тематической инсталляцией или хаотичное метание красок в холст и название полученного продукта картиной, имеют слишком мало общего с Джокондой, творимой Леонардо Да Винчи в течение восьми лет. Спонтанная деятельность – не единственная превращенная форма творчества, ведь еще существует дискредитация его как самодеятельности, что проявляется через систему отчуждений различных его аспектов на различных

этапах. Все превращенные формы творчества не могут не сочетаться с творчеством как таковым в широком его понимании, поскольку даже субъекты спонтанной деятельности и других превращенных форм творчества, для того чтобы представлять определенный интерес для превращенных же форм духовного производства и экономики знаний, должны иметь определенную базу реальных наработок. Социально-экономическая среда, усложненная современным глобализмом, создает культурные кризисы и, кроме этого, кризис семьи через насаждения культа потребительства и гедонизма, то есть противоположного мотивации творческой аскезы. Общую негативную тенденцию, препятствующую формированию экономике знаний, порожденную глобализмом в целом, можно охарактеризовать как фрагментацию бытия и фрагментацию мотивации. Это порождает много превращенных форм как во всей экономической системе, так и в системе духовного производства. Но без изучения этих форм и изменений не может быть целостного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауэр И. Принцип человечности: Почему мы по своей природе склонны к кооперации : [монография] / пер. с нем. И. Тарасовой. – СПб. : Вернера Регена, 2009. – 152 с.
2. Желтов М. П. Земля и духовность / М. П. Желтов // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 8. – С. 179–184.
3. Панарин А. С. Правда железного занавеса : [монография] / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2006. – 336 с.
4. Тонконогов А. В. Философия духовной безопасности как научная дисциплина / А. В. Тонконогов // Социально-экономические знания. – 2008. – № 4. – С. 265–273.
5. Юревич А. В. культурно-психологические основания научного знания // Проблема знания в истории науки и культуры : [монография] / А. В. Юревич. – СПб. : Алетей, 2001. – М. : Институт истории естествознания и техники РАН, 2001. – С. 155–192.